

Валентин Васичкин

*На Неруци,
за росчерком дорог*

Стихи
Очерк

Орел
2010

ББК 84(2р)6

В 19

Книга издана в авторской редакции

Художник *Ангелина Маркина*

Валентин Васичкин

В 19 На Неручи, за росчерком дорог. Стихи,
очерк. – Орел, 2010. – С. 108.

Валентин Васичкин начал в своём творчестве как лирик: друзья по литературному цеху отмечали у него «чистый, словно свирель, открытый голос; русская народная простота, живая душа — в каждой строчке, ибо это было сокровенное, подлинное, неразменное поэта, влюблённого в родные места, в их особую, глубинную прелесть и чистоту».

Поэт как патриот взял на свои плечи суровую ношу их защитника, осознав всю хрупкость бытия, наступившего на рубеже двух веков, после развала Советского Союза.

Валентин Васичкин и в прозе заявил себя крепко, опубликовав в книгах «Меридиан сердца» и «Ласточки на проводах» первые две части повести «Украденная любовь», рассказы и очерки.

«На Неручи, за росчерком дорог» — его очередная книга, в которой автор остаётся верен себе: рассуждает о прошлом и настоящем своей малой родины и страны в целом как патриот.

© В. Васичкин, 2010

*И дым из труб, и юркий ветерок,
И школьный сад с рекою по соседству —
Здесь я родился,
Здесь провел я детство,
На Неруци, за росчерком дорог.*

*Мне не забыть ни звонкие поля,
Ни шум дубрав, ни буйные отавы...
Земля отцов, земля державной славы,
Издревле наша, русская земля.*

В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

Я без грусти по январю,
И февраль — не февраль, а картинка.
Сердцеедка моя, я от счастья горю —
Получил от тебя валентинку.

Даже строго судить — буду парень простой,
Я по жизни иду, разгребая рутину.
В этот день февраля каждый год я святой,
Потому что назвали меня Валентином.

В этот день ты всегда валентинку мне шлёшь,
Получаю, заведомо зная, откуда.
От меня её также в волнении ждёшь
С верой в это февральское чудо.

Ты в заветных желаниях также приста:
Хочешь светлой любви, хочешь верного друга.
И мечту, что, как синее небо, чиста.
Не забила колючая выюга.

Я тебе валентинку на почту несу.
Наполняется светом земная обитель.
Я сегодня от бед всех влюблённых спасу,
Потому что святой — значит, их покровитель.

* * *

Сорвалась метель свирепая с цепи —
Ни проехать по деревне, ни пройти.
Можно думать, рассерчала на народ,
Разгулялась по морозу вдоль ворот.
Рвёт и мечет снега белые стога,
Сатана сегодня будет ей слуга.
Рвёт и мечет она белые холсты
На дорогу, на дома и на кусты.
Разгулялась не на шутку у ворот,
На свирепую не сыщешь укорот.
Рвёт и мечет по деревне, по стране,
Бьёт-колотит и по окнам, и по мне.
Воробышко, позабыв про воробьих,
Под поветь с утра забился и затих.
А сердечко еле-еле: тик да тик,
Замерзает под поветью озорник.
Даже пёсика согнуло, замело,
Запросился у хозяина в тепло.
А свирепая то лише, то слабей...
Ты, метель, моих воробушек не бей
И под вечер попртихни у ворот —
Со скотиной пусть управится народ:
И напоит, и прибросит ей сенца,
И с соседом выпьет рюмочку винца,
Им без этого теперь уже невмочь,
А потом срывайся снова, на всю ночь.

* * *

Карнизы разукрашены сосульками,
Ещё под снегом мёрзлая земля,
Но скоро под окном капель забулькает
И задымят, в проталинах, поля.
И первый грач, присев на огороде,
Легко откроет тёплую зарю.
И я о власти местной, о погоде,
Потом о птичьей с ним поговорю.
Трудяга он — судить по жизни строго,
Покажется, что чуточку охрип.
Я буду думать... точно, да — дорогой
Он прихватил тот самый птичий грипп.
И что ему дорожные затраты!
Он дом себе построит в первый день,
Покаркав и на кризис, и на Штаты,
И даже на законный бюллетень.
А для грачей одна навеки смета —
Чтобы весну на родину несли...

И вот опять душа моя согрета:
Я вижу, как сосульки подросли.

ВИЖУ СЕРДЦЕМ

Иней по залужью серебрится,
Солнце зацепилось за карниз.
Новый день — серебряная птица —
Над полями вешними завис.

По прогонам тишина прогоркла,
За дворами — разглядишь едва —
Огоныком зелёным на пригорке
Загорелась первая трава.

Торжество весны на солнцепёке
Для меня сегодня налицо.
Всё со мной, что близко и далёко:
Речка, пашни, низкое крыльцо,

Улица из ульев за оградой,
Сердцем вижу Неручи исток.
Это значит: сердце моё радо,
Да продлится его жизни срок!

Сердцем вижу: к северу далёко
От мороза ёжится Москва.
Там ещё не скоро на припёках
Шильцем в небо первая трава.

Вижу сердцем — оттого и весел.
Птичья стая разрывают высь.
В светлый день все города и веси
В моём сердце трепетном сошлись.

ПРОЩЁНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Над полями весенняя звень,
День с утра, как бумага лощёная.
Воскресенье — праздничный день,
Не простое оно, а прощёное.

Если много на сердце обид,
Если сердце просило отмщения,
Попроси у него прощения —
Оно больше не заболит.

Тень печали сойдёт с лица,
И всего-то, что сделать надо:
Попросить его у отца,
Мать простить будет рада.

По ракитникам птичий галдёж,
Там, счастливые от общения,
Воробы деревенские тож
Своим жёнам даруют прощение.

Прошумел петушиный раздор,
Ветер пух по двору разносит.
Рыжехвостых слушает двор —
Друг у друга прощения просят.

В светлой радости бытия
Ощущаю земли вращение.
Жизнь идёт, стало быть, и я
Попрошу у тебя прощения.

* * *

Время людям на потребу,
Дни коротки и звонки.
И над крышами до неба,
Как верёвочки, дымки.

То погода, то ненастье,
То среди земных широт,
Как Емеля, я со счастьем,
А то вдруг наоборот.

Выйду утром в чисто поле,
Разгляжу свою звезду.
Вспомню, как в советской школе
Мы читали про Балду.

А глаза на миг закрою —
Они рядом, они тут.
Тех далёких лет герои
И сегодня в нас живут.

Я не мот, не пустомеля,
Пусть расскажет всем звезда,
Кто живёт во мне: Емеля
Или, может быть, Балда?

СЕМЬ БЕД

И вот оно, счастье моё, — на века,
В прошедшем и настоящем.
И дом с огородом, и рядом река,
Но только деревня
с видом скорбящим.

Четыре коровы, коза и овца
(Скот на дворах издревле),
Беда, что они на четыре конца
Когда-то большой деревни.

И больше не будет бурёнок пока,
Их сервис без главной услуги:
Четыре коровы, но нет быка
На десять кэмэ в округе.

Одна никогда не приходит беда,
Ворота для них нараспашку.
Беда в огороде — осот, лебеда,
Беда, что опять в крайнем доме беда:
Покойник... налёт на бражку.

Этот скончался, а трое — в запой,
Мужицкую рать подкосило.
В России увидит даже слепой,
Что снова беда в России.

Их семь в моём счастье,
несчастий и
бед,
И сердце вот-вот на части:
Многих не стало и многою нет —
Такое вот выпало счастье.

НАСЛЕДСТВО

После стылой зимы
снова стало тепло,
К огороду сегодня
просохла дорожка.
Значит, время моё
наступило-пришло,
Как Микула былинный,
там снова я с сошкой.

По-крестьянски живу:
много пью, мало ем,
Но совсем я не пью
без закуски.
Знай за дальним бугром
хитрый Дядюшка Сэм,
На земле своей древней
живу я по-русски.

Добрый квас на столе,
казанок холодца,
Всякой снеди крестьянской
с излишком.
А в углу, за кроватью,
наследство отца:
Берегу я для внука ружышко.

Смотрит Сэм на меня,
на Россию хитро,
Пригляделся получше бы с трона:
Есть ружьё у меня,
моё верное ПРО,
А в столе, возле печки, патроны.

БЫЛЬ

Это было. Это будет или нет?
Из-за речки к дому — розовый рассвет.
В луговинах сонных с раннего утра
Дружно щурятся на солнце клевера,
Ещё затемно умытые росой,
И вприпрыжку я бегу по ним босой.

Это было: были солнечные дни,
Самым-самым лучшим праздникам сродни.
Из-за сада солнце яблоком в зенит,
Он, разбуженный, сияет и звенит;
В свете-звоне перелески и леса;
За деревней поле рыжего овса...

Это было, это было как вчера:
Проходили по просёлку вечера,
Пахло мёдом, свежескошенным сенцом;
Приходили и садились на крыльцо.
Приносили с поля сон и тишину,
И казалось — тишина на всю страну...

Это было в прошлом веке. Это быль.
На моих висках космическая пыль,
Окроплённая чернобыльской росой,
И никто по ней не бегает босой,
Не встречает сине-розовый рассвет —

Все рассветы в грозном грохоте ракет.

Это есть! И нам понять бы всем пора,
Что над нами уже новые ветра,
Что всечасно, посекундно, а не вдруг
Нас нещадно убивает ультразвук;
Что в ночи над полем рыжего овса
Вновь со стронцием опустится роса...

Это было. Это есть. И это было!
Это значит, мы в космическую пыль?..

* * *

Серебряный месяц в медвяных покосах
На облачке выплыл за лес.
И первые звёзды посеял, как просо,
По синему полю небес.

Затихли за дальней межой коростели,
Устало уснули шмели.
А лёгкий туманец всё стелет и стелет
Постель на просторах земли.

На всём безмятежном усталость и нега,
И кажется мне перед сном,
Как будто плывём все мы с Ноем в ковчеге
В безбрежном пространстве земном.

* * *

Опустела узенькая улица
На исходе пасмурного дня.
Это значит, ветреной отступницей
Ты ушла сегодня от меня.
Дождик следом.
Словно бы украдкой
Проводил тебя он до ворот.
Нам везло в любви безмерно сладкой,
А сегодня всё наоборот.
Горький привкус —
Верный знак печали,
Нам теперь придётся погрустить.
Думку думать буду я ночами:
Как бы её снова подсластить?

* * *

По заречью зори друг за другом,
Перезваниваются ключи.
Вот ещё звезда над росным лугом
Просинкой проклонулась в ночи.

А когда под синим небосводом
Заиграет красками роса,
Солнечными нитками восхода
Утро вышьет луг и небеса.

* * *

Бабье лето идет. По буграм
В грусти светит рябинами.
И приходит ко мне по утрам
Её грусть голубиная.

За колючей полоской жнивья,
За полынной дорогой
Мало-мало осталось жилья,
Грусти много.

Будет ветер былинки качать,
Будет время к закату.
И луны восковая свеча —
Поминальная брату.

Будет ветер тянуть от реки —
Вечный реквием веку.
И умчатся мои земляки
В Вифлеем или в Мекку.

Бабье лето идёт — погляди! —
В сарафане цветастом.
И морзянкою сердце в груди:
— Приходи к нам и царствуй!

Уйма золота и серебра,
Всему свету на диво.

Наплодили славяне добра,
Но и зла наплодили.

Светит золотом в небо храм,
Осень светит рябинами,
По равнинам да по холмам
Снова машут дубинами.

Снова льётся безвинно кровь!
Мы ещё не спросили,
Кто тут мастер и чей закрой
На просторах России.

И ещё предстоит узнать,
Как же так получилось:
Полстраны беспортошная знать —
Это божия милость?

Неспокоен седой Кавказ,
Вся страна на панели —
Эта кара уже для нас,
Чтобы не сатанели?..

Светит золотом в небо храм,
Кремль сияет рубинами.
Бабье лето идёт.
По буграм
В грусти светит рябинами.

КАЛЕКА

Морозы спали, и закат потух,
В потемках слышен снега белый пух
Над садом нашим.
Земля в снегу, под снегом ржавый плуг.
Здесь мы живем и, власть ругая вслух,
Все меньше пашем.

И не скажу, что эта жизнь нам всласть,
А тут, гляди, опять грозится власть
Поддать землицы.
В столице жизнь, гуляют фирмачи,
Вершат дела, и жить их не учи...
Щедра столица!

Но есть еще там горьковское дно,
Где с горькой жизнью горькое вино —
Болячка века.
Такой уж, видно, выпал людям век,
Что, наплодив бездомных и калек,
Сам стал калекой.

За резкость я прощенья не прошу,
Кто будет гостем — к чаю приглашу —
Входи, дружище!
Пророков нет, кто мог бы предсказать,

Куда идти и с кем судьбу связать —
Мы сами ищем.

Земля сегодня людям, как вода —
Бери, паши, но вот совсем беда,
Коль мало вспашешь.
Ржавеет плуг, и вновь родная власть
Весь свой народ готова обокрасть.
Живешь и плачешь...

ЦАРСКАЯ ДОРОГА

*На российских дорогах
в прошедшем году погибли
50 тысяч человек
(из газет)*

Гудит автострада,
проносятся ВАЗЫ, тойоты,
Дорога горбата —
от вечной тяжёлой работы.
Бывало, умчатся в овраги
весенние талые воды —
Пылят-громыхают по ней
бесконечным потоком подводы.
До первых снегов
по дороге скрипели колёса,
Хатёнки на всех
слеповато лупились с откосов.
Но помнит она,
как за давностью лет среди лета
Однажды её осчастливили
царской каретой.
И свитой с версту...
А когда наступали метели,
Крестьянские сани
по царской дороге скрипели,

По царской дороге по-царски —
ни валко ни шатко
Тянули возы
до московских окраин лошадки.
Далёкое время всё дальше
с крестьянским извозом,
Не стало лошадок —
похерили вместе с колхозом.
КамАЗы, тойоты —
крестьянского быта приметы,
Дорога-старушка по-царски
в бетон приодета.
Стальному коню
на земле теперь много работы,
И мчится по серой бетонке
КамАЗы, тойоты.
По царской!.. По царской!..
Стремительно мчится, с гудками...
Но только обочины царской
все чаще и чаще с венками.
К Москве!.. От Москвы!..
Все смертельной сошлись круговерти...
Вчера мне приснилась
картина мучительной смерти:
Не где-то, а здесь,
на обочине царской дороги,
Опять Прометея казнили
суровые

боги...

* * *

Родина милая, ты не исчадие зла,
Но почему, почему ты опять бурьяном заросла?

Ветер полынnyй и серая даль без межи —
Что за хозяин страну им засеял, скажи?

Кто научил этой хитрой науке, какой агроном?
Время как ветер над нами.

Стучит и стучит
метроном.

Родина милая, ты не исчадие зла,
Но почему вдоль просёлков бурьян и зола.

Ветер полынnyй, вокруг ни кола, ни двора?
Родина милая, где же твоя детвора?

Где твои песни и в утреннем небе дымки?
Где же сегодня трудяги твои мужики?

Родина милая, самая близкая в мире родня,
В самом простом ты сегодня обходишь меня.

* * *

Всё реже деревни —
последний российский редут,
Всё реже домишки...
Куда нас сегодня ведут?
Не стало деревни,
остался печальный погост,
А там полколхоза,
безвременно все, в полный рост.

Вдоль Неручи, дальше и дальше,
вдоль грустной Оки,
На кладбищах новых
горят-догорают венки.

Лежат наши люди,
устав от призывов Кремля,
И снова, и снова:
— Пусть будет им пухом земля...

* * *

*Второй от околицы стала
Просторная хата моя.
(из ранних стихов)*

Загрустил-запечалился
к лету просёлок:
Всего два петуха
на Садовый посёлок,
Ни овцы, ни коровы,
налево, направо
Всё бурьян да крапива,
всё травы да травы.
И брусок не забьёт,
словно перепел зорькой,
А посёлок смирился
с судьбой своей горькой.

Всего два
в этом самом посёлке домишко,
В крайнем доме
родня двоюродная — Мишка,
Кузнецовой породы,
трудяга по
жизни,
Он здоровье отдал

для Советской отчизны.
И другой домик с краю,
неброский по-вдовьи.
Всё сильней заастает
раздолье коровье,
Заросла камышом,
обмелела запруда.
А всего лишь недавно
поселок был — чудо:
Что ни дом — мастера,
на подворье скотина,
Для деревни
обычная, в общем, картина.

Веселила она,
всей стране на потребу,
А теперь два дымка
поднимаются к небу.
Словно SOS, мол, беда,
а свалилась оттуда...
В беспространности бед,
не надеясь на чудо,
Две трубы
прикопчёно уставились в небо,
Ни воды и ни газа,
ни свежего хлеба.

Михаил Кузнецов,
он из твёрдой породы:
Полстраны перестали
пахать огороды,
Полстраны по стране —
от родни, от посёлков
За зарплатой, за счастьем
ушли по просёлкам,
Он к своим сыновьям
не умчался в столицу,
Значит, век твой на родине,
братец, продлится,
Значит, также дымок будет
к небу да к небу,
И петух будет петь
(лишь тебе на потребу),
Будет звать по субботам
за хлебом просёлок,
Но такой невесёлый...
Такой невесёлый...

В НОВОМ ВЕКЕ

1

Деревушка за ручьём — Ржавец...
 На лугу сыром и кочковатом
 Ходит стадо с горсткою овец
 И пастух, что кроет крепким матом.
 Он с утра им самый верный страж,
 В жаркий день загонит под деревья...
 Милый сердцу моему пейзаж!..
 Нет его — ни стада, ни деревни.

2

Сколько горя и печали протекло
 На земле моей российской за века!
 И страна моя разбита, как стекло,
 Только люди ещё держатся пока.
 Тянет ветер с медоносных луговин,
 Теснота среди залитых мёдом сот.
 И сосед мой — беспартийный господин
 В огороде своём дёргает осот.

3

Как же мало песен мы поём,
 Оборвали песенную жилу.
 Много пьём, на всё теперь плюём,
 Чем село извечно дорожило.
 Но живёт в нас всё-таки отвага!
 Вот мой друг Брыкалин, например,
 День Победы встретил с красным флагом,
 Той страны — Союза ССР.

* * *

Дни поздней осени бранят обыкновенно

А. Пушкин

Прозрачный воздух в стылости земной,
И молодого снега слышен шорох —
Он плавно опускается на крыши,
Лежит простынкой белой на земле,
Но сразу тает на моих ладонях.

Ноябрь отходит тёмный и сырой,
Насквозь продутый ветром полузызник,
Ворота неприглядные зимы, —
В природе жизнь всегда идёт по кругу.
Вся в чёрном, стая галок на ракитах.

С Казанской¹ до Кузьминок² он бесславно
Терял в саду последнюю листву;
С Филипповок³ он, за ночь поседевший,
Лицом темнел, темнел, а на Платона⁴
Ворота нараспашку для зимы.
И вот она с подзимком у двора...

¹ Казанская зимняя (осенняя) — важная дата в крестьянском календаре — 4 ноября.

² Кузьминки (Кузьма-Демьян) — 14 ноября.

³ Филиппов день — 27 ноября.

⁴ Платон и Роман показывают нам зиму 1 декабря: каков Платон и Роман, такова и зима.

* * *

Шёл первый снег.
Над крышами шурша,
Накрыл он голый сад
 простынкой белой.
С твоей душой
 слилась моя душа,
В предзимних днях промокших
 она пела.

Снег шёл и шёл,
 пушистый и густой,
Под снегом луг
 и забелели лужи.
Трепал Европу
 кризисный застой,
Но наш с тобой
 недавно был похуже.
В нем было всё —
 и жесты, и слова,
Тогда в большой печали
 мне казалось:
Сгорала от эпитетов трава,
В саду листва с деревьев осыпалась.

Снег шёл и шёл...
Под снегом груз потерь;
Под снегом всё,
что видел в чёрном свете.
Я знаю, что с тобою мы теперь
Счастливее счастливых на планете.

Глядим, как он развесил кружева,
Но непременно видеть будем рады,
Как снег сойдет,
проклоняется трава
И сад зазеленеет за оградой.

В ДЕНЬ ЮБИЛЕЦ ЖЕНЫ

Вся наша жизнь — события и лица.
Я вспоминаю давние года,
Как я тогда сумел в тебя влюбиться,
Судьбу связать с тобою навсегда.

Мы друг для друга не были обузой,
И кто бы что бы мне ни говорил,
Не зря за рубль

в день брачного союза
Фамилию тебе я подарил.

Воистину, чем старее, тем хуже,
Что испытать ещё нам не пришлось,
Но замужем (а правильней — за мужем)
Тебе неплохо, в общем-то, жилось.

Добра душой, и золотые руки,
И ничего, что много седины.
Три дочери, и внучки есть, и внуки —
Отменно постаралась для страны.

И ты смотри на жизнь повеселее,
Сегодня, в трубы медные трубя,
Тебя мы поздравляем с юбилеем
И пьём сегодня только за тебя.

СОСЕД

Встанет рано поутру,
Выйдет за ограду.
Всё ему не по нутру,
И душа не рада.

Отошли его года,
Поминай как звали.
Ни бурьян, ни лебеда
Близь не подступали.

Этим летом до ворот
Заросли откосы.
Заслабел мужицкий род,
Заржавели косы.

И теперь от старика
Многого не требуй:
Лишь добраться до ларька
За пакетом молока,
За буханкой хлеба.

— Как живём, — спрошу, —
сосед?
Рана ножевая!..
И всегда один ответ:
— Жили... доживаем.

ОСЕНЬЮ

Осень людям вовсе не помеха.
Вот упал на землю первый лист,
Вот по пьяни в пруд опять заехал
Забулдыжный Петька-тракторист.

Над окружой ни дождя, ни грома,
Весь в работе парится народ.
Где стожок сенца присел за домом,
Выползла семья на огород.

Соберут, что выросло за лето,
В костерке картошки напекут.
Не к концу ли света, как примета,
Третий год молчит пастуший кнут.

Домики теперь у нас пореже,
Кладбище питается бедой.
Саженей по десять стали межи,
Заросли метровой лебедой.

Осень людям вовсе не помеха,
Не она мешала здесь рожать.
Вот опять Петруха в пруд заехал,
Есть кому пока что заезжать.

Осень будет следовать прогнозу:
Принесёт дождливый неуют.
А стожок тот бабушкины козы
За зиму неспешно пожуют.

ЗАГАДАЛ СУДЬБУ

B. Горохову

Над нами вчера
Разводила столетья эпоха,
Я новому веку
Зелёную улицу дал.
А в нём и себе,
И тебе я, Валерий Горохов,
Как лучшему другу
Такую судьбу загадал:
Во-первых, чтоб в нас
Не иссякли запасы отваги,
Чтоб нам быть своими
На этих просторах всегда.
И верность свою сохранить
Краснозвёздному флагу,
Чтоб ярко светила
По жизни над нами звезда.

НА ПОГОСТЕ

За погостом почернели клёны,
По холмам стекает синева.
На могиле бабушки Матрёны
Жухнет застарелая трава.

Сиротой могила, без опеки,
Режет глаз осенний неуют.
Только птицы — плакальщицы века
По Матрене плачут как поют.

Где жила — почти никто не скажет,
И не вспомнят, с кем она жила.
Чёрная трава на холмик ляжет,
От дождя ночного тяжела.

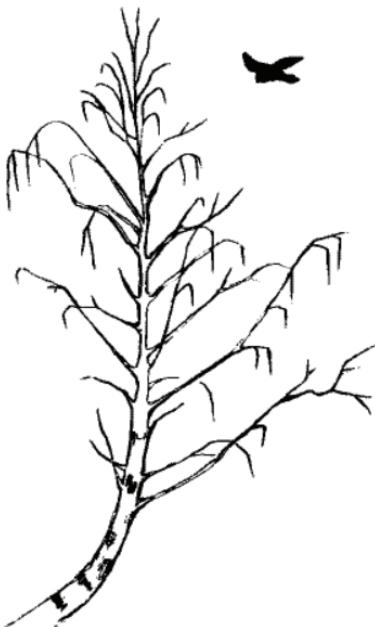
Всё вдали, покрылось вечной тайной,
Ни следа, где прожила свой век,
Словно бы зашёл туда случайно
Проходящий мимо человек.

Погостил маленько — и в дорогу,
Тяжкий крест по жизни той нести.
Каждый день беседовала с богом,
Всё просила: «Господи, прости...»

Он прощал, легко даря годы,

Наполнял особым светом дни.
Всё вдали под этим небосводом,
Ни её не стало, ни родни.

А с годами память о ней глуше.
Жизнь идёт, но птицам не молчать.
И печалить будет чью-то душу
Времени печальная печать.

* * *

Ты, родина моя, меня прости:
За речкой луг — там некого пасти,
Репейник в рост
и никакой скотины.
Вокруг и дальше — всё моя страна,
А за спиной сухие имена,
Из детства незабвенные картины.

Я вижу луг — на нём с утра стада,
И к речке не пришла ещё беда,
Она ещё не заросла осокой.
Деревня и нарядна, и звонка,
Она ещё не вымерла,
пока
Она растёт на берегу высоком.

Весёлый шум от прозвищ да имён.
Не каждый был в грамматике силён,
Но знали все крестьянские науки.
Лопаты, вилы, косы, топоры —
Святые атрибуты той поры
Держать могли мозолистые руки.

Михалыч — плотник и печник Илья,
Да каждая крестьянская семья
Сгорала на работе без остатка.
Сегодня на усадьбах их бурьян,
В котором, если будешь ты и пьян,
Земная жизнь покажется не сладкой.

Совсем другой сегодня коленкор:
Людей забрал сабуровский бугор,
И домики как пропололи.
Зато пирует в радости Москва,
Где власть, а с ней и всякая братва
Мою страну на части раскололи.

Молчит деревня — доля тяжела,
Они молчат от Курска до Орла,
И вширь, и дальше золотой столицы.
От них, сполнавших вкус вина,
Останутся сухие имена
И на могильных памятниках лица.

* * *

Упавший лист и жёлт, и сух,
Сады стоят бесстыже голы.
Теперь всё реже ловит слух
Возню ребячью возле школы.

Их всех по пальцам перечесть,
А первоклашек только трое.
Жив человек — считай за честь,
Дожил до пенсии — в героях.

Теперь помногу не живут,
Длиннее тропки до соседа,
Не о хорошем речь ведут,
Всё больше говорят о бедах.

Страна назад, а не вперёд:
В годах последние невестки,
И вот уже который год
Военкомат не шлёт повестки.

Дома грустны, сады грустны,
Людей теперь одно тревожит:
Дожить бы всем им до весны,
Но кто-то, видимо, не сможет.

* * *

Живу хозяином в дому
И отличу ячмень от проса,
Но вот никак я не пойму,
К чему опять твои вопросы.

И впору бы повесить нос,
Но, посмотрев на вещи строже,
Я, как лингвист, на свой вопрос
Ищу ответ со словом «может».

Быть может, всё уже ушло,
Что нас ещё вчера сближало.
А может, кто-то сеет зло,
Которое острее жала.

А может, это всё судьба —
В слезах и счастья, и печали.
Меня как твоего раба
С тобой по-царски обвенчали...

Сквозь годы льётся дивный свет.
Он сердце в этих днях тревожит.
Но только правильный ответ
Найти никто мне не поможет.

Где грустный август по лугам
В ночи опять уронит росы,
Я упаду к твоим ногам
Ответом на твои вопросы.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПРИРОДА

В природе вся и всё как у людей:
Вот бык с телушкой вышли на откосы.
Вот за плотиной пара лебедей
Решает по-семейному вопросы.

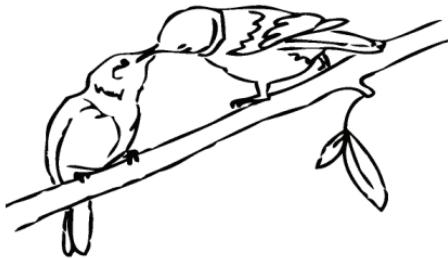
Петух — герой:
К утру набрался сил,
И голос есть, и гордая походка.
Он, как сосед мой дедушка Василь,
Неравнодушен по весне
 к молодкам.

Кот Васька, тёзка, со своей бедой:
За Муркой он прокрался тихо-тихо
Туда, где воробышка молодой
По-своему тиранил воробыху.

И надо же: нарвался на козла —
Красивый чуб, волнистая бородка.
Его вчера в кустарник зазвала
Такая же рогатая молодка.

Всегда в природе много есть чудес:
Вот Джек — соседский пёсик —
за крапивой
С утра на лайку третий раз полез,
Я подглядел,
какой он был счастливый.

Я по природе не прелюбодей,
Но ведь увиденное всё — не мода.
В природе вся и всё как у людей,
А потому — да здравствует природа!

ЧУДЕСА

День подкрался ветреный и хмурый,
никаких чудес.

Снова дождь, и бабушкины куры
мчатся под навес.

Пёсик тоже прячется от стыни —
лазет в конуру.

Дождь притихнет — запахи полыни
По всему двору.

Из ворот распахнутых сарая
запахи сенца.

Это осень — стылая, сырья,
дождик без конца.

Видно, так от века и до века
на земле родной.

Вот петух к дождю про��арекал:
— Сынь, родной!

Он и рад стараться: по неделе
плюх да плюх.

Кажется, все птицы улетели
от него на юг.

Кажется, что небо прохудилось,
плачут небеса...

Если в жизни вам не приходилось
видеть чудеса,

Не печальтесь: день сырой и хмурый

—
чудо из чудес!..
Снова дождь, и бабушкины куры
снова под навес...

ВСТРЕЧА С ГОДОМ ТИГРА

Светлые тени плывут над равниной,
Поезд гуднул вдалеке.
Лёгкой походкой — сторожкой, тигриной
Вечер крадётся к реке.

Спит-досыпает за лесом метелица,
Спит под сугробами злак.
Звёздочка в небе лампадкой затеплится —
Таинства вечного знак.

В мире вечернем не всё предугадано.
Тянутся к небу дымки.
Вечные запахи — сена ли, ладана,
Грустных погостов венки.

Вот и ещё нам для жизни отмерено:
Это к тебе и ко мне
Ночь новогодняя шагом уверенным
Снова спешит по стране.

И ничего, что заносами выюжными
Путь её будет забит.
Снова забудем, как вещи ненужные,
Горечи мелких обид.

Снова под звёздами в счастье поверится,
В прошлом нам верилось так...
Звёздочки в небе лампадками теплятся —
Таинства вечного знак.

ДОЛГ

В этих днях

нам не увидеть прошлого,
 Не найти заветного теперь.
 Прорастает хищное и пошлое,
 Оживает в людях лютый зверь.

Быть бы всем добре, а не лише!
 Видит бог — заступник и судья:
 Стало больше на земле людишек,
 В недругах хорошие друзья.

Я себе такое не позволю,
 Мне дороже правды торжество.
 Верен был, как предки мои, полю,
 И сегодня верую в него.

До сих пор советской власти верен,
 На святое я не посягнул.
 А со мной — кто,
 как колхозный мерин,
 Лямку непосильную тянул.

И сегодня совесть нас не гложет.
 Как бы доля не была трудна,
 Чашу горьких бед своих,
 быть может,
 Мы ещё не выпили до дна.

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН: ВЛАСТЬ И ПРЕССА

Очерк

1. НЕ ОДНИМ СУХИМ ИМЕНЕМ

И снова осень. Всё также одеваются в нарядные одежды леса и перелески, всё то же запустение вдоль Неручи и Оки: пусто в прибрежных поймах и лугах, в деревнях и посёлках такое же затишье. Лишь в первую декаду сентября вышел народ на огороды, управился с картошкой — и снова затишье. Да и сколько их сейчас, этих огородов, точнее — огородиков: людей на полколхоза осталось, почти возле каждого дома земля пустует, бурьяном зарастает, потому что крестьянский труд обесценен, и излишков продукции на продажу не выращивают, а только для себя.

В какую сторону ни глянь — на всём печать запустения и безысходности. Жизнь теплится только там, где ещё работают школы, это в деревнях покрупнее, несущих на себе статус бывших центральных усадеб; а что касается маленьких деревушек и посёлков, разбросанных по

берегам Неручи и Оки, вдоль мелководных речек и безымянных ручьёв, то — увы! — жизнь там или угасла совсем, или вот-вот угаснет.

Найдите на карте Глазуновского района Неручь; у самого её истока доживает свой век деревня Ильинское: от этого старинного сельца с постоянным двором, отмеченным в те времена заботами почтового тракта, осталось всего четыре дома; ниже посёлок Садовый с тремя домами; дальше деревня Хитрово, от которой три года назад осталось одно название; Глазуново с десятком домов выглядит перед Александровкой предпочтительнее — их у последней на двух берегах Неручи наполовину меньше; и никто не аукнется и не откликнется в Кривцове и Щербатове, кроме бабушки Клавы, доживающей в этом краю остаток своей жизни и сохранившей в памяти многоголосье этих деревень. Собственно, в каждом из упомянутых мной населенных пунктов, входящих с середины 50-х годов в колхоз имени Жданова, была жизнь, наполненная трудовыми буднями и праздниками — и государственными, и народными, и семейными.

Васильевка хотя и стоит в особом ряду — все-таки была центральной усадьбой хозяйства, но и она не стала исключением: на всём та же печать безысходности.

В сентябре синица просит осень в гости,
Дни стоят прозрачны и звонки.
В октябре листва сгорает на погосте,
Лишь горят в оградках свежие венки.

Был колхоз — осталось полколхоза,
Ещё меньше встретят Новый год.
Это значит: снова по морозу
Не одна процессия пройдёт.

В горьких днях копаемся, итожа:
Не познав сполна земных трудов,
Там лежат и старше, и моложе,
И ещё прибавится рядов.

На оградки дай, страна, металла,
Скоро всем колхозом там лежать.
Что с тобой, деревня, нынче стало —
Некому ни плакать, ни рожать.

Вот они, домишкы, — редко-редко.
Оборвётся жизни этой нить,
На святой земле великих предков
Некому её соединить.

А память уводит в прошлое, когда в январе 1984 года Центральный Комитет КПСС принял

постановление «О работе Глазуновского райкома партии Орловской области по выполнению решений Майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС». Страна была большая, но почему ЦК КПСС обратил внимание на Глазуновский район?

В постановлении отмечалась положительная деятельность местных Советов и хозяйственных организаций как по оздоровлению экономики, так и по социальному переустройству села: увеличивался ввод жилья, велась газификация домов сельских жителей, строились дороги, рос объем бытовых услуг, сокращалась текучесть кадров. Многие выпускники школ оставались работать в деревне, свыше 80 процентов демобилизованных воинов возвращались в свои хозяйства.

В Глазуновку ехали за опытом внедрения в сельском хозяйстве коллективного подряда и хозрасчета из разных уголков страны, писали о нём в центральных газетах, организовывали передачи по центральному радио. Уже позднее мне сделали заказ на подготовку книги по этой проблеме в одном из московских издательств; и рукопись книги была написана на примере деятельности хозрасчетных подрядных звеньев колхоза имени Жданова, но пока она готовилась к печати, пришли другие времена, и книга в свет

так и не вышла. А затем за два десятилетия на рубеже веков деревенский уклад жизни советского человека разрушили напрочь, но вот создать что-либо достойное взамен ему не смогли. И сегодня перед глазами удручающие картины. Был колхоз имени Жданова — называли по времени, и по времени он развивался: строили животноводческие помещения, жилые дома, склады, машинный двор, механизированный зерноток. Административный центр вынесли на простор: построили Дом культуры с библиотекой под одной крышей, двух-этажную контору и такую же столовую-гостиницу, а территорию постарались благоустроить так, чтобы она выглядела привлекательно. Всё это делалось для людей, и когда сегодня видишь удручающие картины разрушения, невольно задаёшься вопросом: разве люди мечтали о такой жизни?

Колхоз начали убивать с названия: «сверху» скомандовали его переименовать, а на общем собрании колхозники по традиции единогласно проголосовали за новое название — «Россия». Прошло время, и уже в столице-матушке приняли закон, обязывающий за использование в названиях слова «Россия» платить налог. Увы, в хозяйстве безденежье, еле-еле сводят концы с концами, чтобы посеять и убрать урожай; и ради экономической

выгоды люди 15 февраля 1992 года голосуют за решение о новом переименовании. Так появилось на карте района сельхозпредприятие «Васильевское». Новое название дали по территориальному признаку, как, впрочем, и другим хозяйствам района, прежние названия которых увековечивали исторические события социалистического государства, её героев. Как показало время, от Москвы до самых до окраин выкорчёвывалось из жизни всё советское, напоминающее о прошлом.

Упорными в этом вопросе оказались в деревне Гремячево: ослушались, не захотели труженики колхоза «Завет Ильича» переименовывать своё хозяйство, и до сих пор оно напоминает им о лучших временах, когда люди все работали, получали хорошую зарплату, бесплатное жильё, ездили по путёвкам в дома отдыха и санатории, бесплатно учились и лечились.

О славном прошлом советского народа напоминает нам на карте Глазуновского района название бывшего совхоза «2-я пятилетка», рабочие которого вначале поверили сладким речам лжедемократов и переименовали его в сельхозпредприятие «Ловчиковское», но потом, как и труженики колхоза имени Чапаева, проголосовали за прежнее название. Скоро о советском периоде жизни некому будет вспоминать:

люди стареют, гибнут, стираются с лица земли приметы того времени. На территории Очкинской сельской администрации чуть более десяти лет назад насчитывалось шесть ферм с крупным рогатым скотом и свинопоголовьем, а осталась одна — в деревне Глазуново; на месте других бушует бурьян.

Мне в жизни много, земляки, не надо,
Не потому, что не живём до ста.
Увидеть бы за огородом стадо —
Оно всегда стояло у моста.

Да голоса бы детские звучали,
Разбег давая в будущие дни.
А я вот снова думаю в печали,
Что меньше стало в школе ребятни.

Деревня моя бедностью богата,
И на детишек сильный недород.
Неужто в лени выросли девчата?
Ослабли от «чернобыля» ребята?
Как ни крути, а бедствует народ.

И в этих днях, наполненных печалью,
Среди морозных оголтелых вьюг
Всё больше видишь вовсе не случайно

Пустующих вдоль речек развалюг.
Проёмы окон в белый свет раззявив,
По крыши утонувшие в снегах,
Они давно остались без хозяев
На этих неуютных берегах.

Страницы лет страны моей листая,
Хочу её просторами пройти,
Но власть, не время — власть во зле сметает
Всё лучшее — советское — с пути.

Я жил всегда по совести и чести,
И мне всегда землячество сродни.
Мы, земляки, сегодня с вами вместе
Не лучшие переживаем дни.

И жизнь для нас сегодня не награда,
Но также думать буду неспроста,
Что и сегодня много нам не надо —
Не потому, что не живём до ста

В Васильевке от конторы и столовой-гостиницы
остались кирпичные коробки с пустыми проёмами
окон, без дверей и полов, Дом культуры и
библиотека в аварийном состоянии: власти не
сумели отремонтировать протекающую крышу,
дождевая вода текла по стенам, а зимой здание не

отапливалось, и как результат — фундамент просел.

В 2008 году районная газета робко напомнила об этом, хотя районная власть уже много лет знала, что надо делать с Домом культуры, как его спасать, но была бессильной; и тем более местная администрация, наделённая 122-м законом о местном самоуправлении только полномочиями, но не подкреплённая финансовыми средствами, а потому напоминающая бедную родственницу.

Васильевка — типичный пример надругательства над землёй исконно русской. Можно смело говорить, что во всех этих народных бедах в первую очередь виновата районная власть, а если точнее — бездарные, не способные решать жизненно важные вопросы люди, которых усадили в чиновничьи кресла и которые, фарисействуя, погрязнув во лжи, медленно, но верно убивали район.

На этих плодородных землях в верховьях Неручи и Оки наши предки поселились много веков назад; они разрабатывали землю, разводили скот, и в своём стремлении лучше жить перебороли все трудности. Но скучные сведения из архивных документов дают неполное представление о событиях тех лет, что, кстати, применительно и к нашему времени. Я могу привести не один пример замалчивания прессой общественно

значимых событий, примеры лжи, передёргивания фактов чиновниками районной администрации, в том числе главой администрации А. Сизовым, его первым заместителем А. Астаховым. Был обозначен круг за-претных тем для подвластной им районной газеты, так как важнее всего им нужна была — и есть — на её страницах не истина, а только положительное мнение о работе районной администрации. Они не допускают мысли, что своими действиями, а равно и бездействием, приносят обществу невосполнимые потери.

И снова ложь. Зачем она, скажи?
Ведь в мире всё построено на лжи.
Лжёт радио и лжёт телеэкран,
Плытвёт к нам ложь из самых разных стран.
В моей стране по горло всякой лжи,
И ты мне лжёшь, зачем — ты мне скажи?

Который день всё врёт и врёт прогноз;
Солгал сосед — должок-то не принёс;
От власти ложь охапками вяжи;
Во взгляде кошки вижу сгустки лжи,
Могу сказать, кому она в пример...
Солгал стране не кто-то, а премьер;
Газеты врут народу о правах;
Сплошная ложь во взглядах и в словах.

Неужто в мире было так всегда:
Во лжи погрязли люди, города;
Москва теперь столица из столиц —
В Кремле, в Госдуме столько лживых лиц!
Солгать — для них считается за честь,
А по стране таких не перечесть.
Весь мир погряз — не выбраться — во лжи,
И снова ложь...
Зачем ты лжёшь, скажи?

Скрыть от народа правду, составить о власти хорошее мнение и — на перспективу — удержаться в чиновничьем кресле, тем самым обеспечив для себя сытую жизнь, — этим сегодня пропитан каждый, кто поспешил расстаться с билетом члена КПСС и подался в «Единую Россию», партию, вобравшую в себя и жуликов, казнокрадов и фарисеев.

Пройдут ещё десятилетия; и с грустью думаю, что по их прошествии потомки наши не будут знать правды о сегодняшних днях, о том, какой трудной жизнью живут люди села и райцентра, — так думать заставляют публикации не только в районной газете. Почитайте проправительственные центральные издания или областную «Орловскую правду»: нам вбивают в голову, что в стране всё хорошо, что жизнь становится лучше, благосостояние народа повышается. Пишут и говорят одно, а реальная

жизнь смотрится совсем в другом свете, то есть выдаётся желаемое за действительное. Сказать точнее, от людей, хлебнувших бед в годы перестроичного хаоса, теперь пытаются скрыть тяжесть ошибок, совершаемых властью; людей пытаются убедить, что власть работает эффективно, то есть стремятся подменить преобразование реальности преобразованием её восприятия, и самое главное — при полнейшей безответственности и безнаказанности.

Кризис власти налицо, но ещё никто из её представителей не признал, что не смогли они, сбившиеся в стаю «Единой России», вершить государственные дела эффективно, что не туда завели простой народ и ничего не сделали, чтобы улучшить его жизнь. К власти пришли люди, ничего не стесняющиеся ради личного обогащения. Ложь и мошенничество, фарисейство и коррупция расцвели пышным цветом, стали нормой жизни. И такое — снизу доверху, по всей вертикали власти.

Когда простые люди оставались без работы, годами не получали заработную плату, эта партийная элита, окружившая себя опричниками с определёнными способностями, набивала себе карманы, делая деньги из власти, из доступа к бюджету. Наплевать им на то, что земля не пашется и зарастает сорняками, что народ вымирает, что

селяне свели на нет свои подсобные хозяйства, что многое из того, чем жила советская деревня, теперь упоминалось с приставкой БЕЗ: без денег, без зерна, без воды, без коров и т.д. Но самое горькое — без людей.

Больно смотреть на то, что осталось от деревень, и невольно задаёшься вопросом: кто ответит за этот геноцид по отношению к их жителям? По данным только что проведенной переписи населения, в Глазуновском районе осталось 13 163 человека, а в 1990 году было около 17 тысяч, т.е. почти на 4 тысячи наших земляков стало меньше за эти два десятилетия. Ужасающая статистика!

Нас постоянно пугают цифрами осуждённых и прошедших через лагеря или расстрелянных в годы коллективизации и сталинских репрессий; обливают грязью советских маршалов и генералов, политработников, которые якобы слишком много солдатских жизней положили за ПОБЕДУ. Чтобы эти страшилки выглядели ещё страшнее, цифры погибших год от года увеличивают. Так могут говорить только враги Отечества: со злым умыслом искажая историческую правду, они пытаются судить победителей в войне с хорошо вооружённым и опытным врагом.

Демографическую статистику России начала XXI века лидер российских коммунистов Г.А.

Зюганов назвал статистикой вымирания России. По переписи 1970 года, в стране насчитывалось 129,9 миллиона человек, по переписи 1989 года, а это была последняя советская, — уже 147 миллионов, то есть за 19 лет увеличилось российское население на 17,1 миллиона. Среднегодовой рост составил 900 тысяч. И ещё два года население России увеличивалось до 148,3 миллиона, а затем рост остановился, и с 1996 года наступила чёрная полоса в демографической статистике. И к 2001 году в России остаётся 146,3 миллиона человек, то есть за пять лет мы недосчитались два миллиона — по 400 тысяч в год. Новый век принёс новые рекорды: с 2001 по 2002 год численность россиян уменьшилась на 1 миллион 100 тысяч человек. В следующие два года население уменьшалось по 800 тысяч человек, ещё два следующие — по 700 тысяч. К январю 2008 года оно сократилось до 142 миллионов. Это значит, ежегодно уходила в небытие такая область, как Орловская.

На протяжении всех десятилетий советской власти страна наращивала свою мощь, создавала индустрию, улучшалась жизнь простого человека, то чем оправдать сегодняшние потери, если по всей стране разруха, не строятся города и заводы, а большая часть из тех, кто жив, без работы или работает на дядю за гроши.

Бесспорный факт: за эти десятилетия страну и народ обокрали. В том же Глазуновском районе все государственные предприятия, колхозы и совхозы как по мановению волшебной палочки превратились в частные, т.е. их продали за бесценок. В итоге цех №10 ОСПЗ, «Сигнал», суш завод, райсельхозтехника и ряд других юридических лиц, составляющих экономическую мощь района, практически перестали работать, и люди остались один на один со своими бедами.

За то, что было сотворено за эти два десятилетия проходимцами всех мастей, в советское время исключили бы из партии, освободили от работы и судили. Остаётся надеяться, что такое время наступит, а пока всё наоборот: добро пожаловать, господа казнокрады, мошенники и коррупционеры, в партию и во власть, потому что такие, у кого рыльце в пушку, нужны людям власти как подпорка в борьбе с коммунистическим прошлым.

По словам историка Н.М. Карамзина, «есть три рода истории», и на первое место онставил современную, «где очевидный свидетель говорит о происшествиях», т.е. о том, что он видел и слышал. И тогда уже в будущем нельзя будет прибавить ни одной черты к известному. Я иду по этому пути. За десятилетия работы в газете на разных должностях, а последние четверть века в

качестве редактора, мне приходилось общаться со многими людьми: с простыми тружениками, кто каждый день месил на фермах грязь резиновыми сапогами или работал в поле, со специалистами разных профессий и конечно же с руководителями района, которые, образно говоря, были приводными ремнями и одними из тех, кто претворял в жизнь постановления партии и правительства в конкретные дела; и это даёт мне право по прошествии лет по-своему судить о них, потому что каждый из них так же по-своему был индивидуален во взаимоотношениях с редактором и коллективом журналистов, под своим углом зрения смотрел на газету.

И уж коли я пошёл этим путём, то, говоря словами того же историка, надлежит мне «сказать всё о таком-то князе, дабы он жил в нашей памяти не одним сухим именем, но с некоторою нравственною физиognомиею».

2. ТО ПЛЮСЫ, ТО МИНУСЫ

П ето 1984-го. Орёл изнывает от жары. В воздухе запахи раскалённого асфальта, выхлопных газов и шум городской суэты. В коридорах обкома КПСС тихо и прохладно, но за дверями кабинетов бурлит жизнь, наполненная событиями большими и не очень, для простого

человека, быть может, и не всегда важными, о которых он или вообще ничего не узнает, или же узнает из официальных сообщений, скупых, без подробностей, опубликованных в «Орловской правде».

В один из таких дней в прохладной тишине коридора третьего этажа, перед дверями кабинета, где проходили заседания бюро обкома партии, молчаливо ожидали своего приглашения двое: пожилой мужчина крупного телосложения, с седой шевелюрой, в фигуре которого, во взгляде из-под густых бровей сквозила то ли печаль, то ли усталость от пережитого; и мужчина средних лет, в милицейской форме, с кожаной папкой в руках. Они то расходились в разные стороны, то сходились; милиционер всё хотел что-то сказать, но как бы не решался. Тишина угнетала, и наконец он не выдержал:

— Михал Михалыч, мы забыли добавить...
— Успокойся. — остановил его тот. — Успокойся, там уже всё решено.

А вскоре они уже предстали перед членами бюро, и всё получилось так, как предполагал собеседник. Так заканчивалась трудовая биография первого секретаря Орловского райкома КПСС Михаила Михайловича Потуроева, которого вместе с начальником Орловского райотдела милиции

пригласили на заседание бюро обкома партии с отчётом по вопросу неудовлетворительного обеспечения безопасности движения на автодорогах района. А поводом для этого послужила авария автобуса с человеческими жертвами на трассе Орёл – Новосиль.

Что и говорить, стрелочников нашли, меру вины определили: оба понесли наказание по партийной линии, и довольно строгое. А в Орловский район Потуроев был направлен из Глазуновского, где около десяти лет возглавлял районную партийную организацию и где очень хорошо знали его крутой характер: жёсткость первого секретаря райкома проявлялась в отношении руководителей и специалистов, и даже простого человека, которые, по его мнению, производственные вопросы решали не должным образом или же попросту игнорировали его указания.

В определённых кругах тогда было немало суждений; поговаривали даже, что это была месть первому секретарю райкома за его неправедные дела по отношению к людям, которые в своё время пострадали от секретаря-деспота, но удержались на плаву, сделали партийную карьеру и теперь «догнали» его. Из тех людей, кто пострадал от оргвызов Потуроева и кого я знал, мстить некому было: дороги их в дальнейшем не пересекались,

больших высот в жизни они не достигли, но если такие разговоры были, значит, и основания для них были. Можно предположить: прошедшее возвратилось к нему бумерангом.

Потуроев не терпел бесхозяйственности и в силу своей решительности оргвыводы делал сразу. Примеров таких в районе можно было найти немало — и в хозяйственной работе, и в партийной, но для меня в разговоре на эту тему важно показать, как руководитель района относился к прессе областной, к районной газете, как руководил ею, как помогал, ведь на логотипе издания было написано: «Орган Глазуновского райкома КПСС и райсовета народных депутатов Орловской области».

До Потуроева первым секретарём райкома партии был А.В.Портнов, и не мне давать оценку его взаимоотношениям с газетой, так как при нём в «районке» я ещё не работал. Отсчёт моего журналистского стажа начался с декабря 1976 года, когда газетой руководил Александр Прокофьевич Жучкин — скромнейший человек, строгий редактор. И в первый же год работы пришлось быть свидетелем жёсткости Потуроева.

У любой районной газеты всегда были тёплые отношения с «Орловской правдой». Областную партийную газету постоянно подпитывали

талантливыми журналистскими кадрами из «районок», интересными материалами, которые часто готовили по заказу; особенно нуждалась она в оперативной информации. И когда была у областных журналистов командировка в район, они первым делом заезжали в редакцию прояснить какие-либо вопросы из своих планов.

В один из морозных зимних дней в редакции появился Юрий Трошин, корреспондент сельхозотдела «Орловской правды».

— Да вот я к вам,— потирая озябшие руки, доложился он.— Мне надо в колхоз «Мир», а я на электричке приехал. Материал срочный, и нужен разговор с коммунистами.

— Редактор наш в отъезде,— не обрадовали мы его,— да к тому же насчёт машины он несколько прижимист, так что на помошь не рассчитывай.

В райкоме Трошин этой проблемы не решил, а может, не захотел туда обращаться, нас же попросил позвонить в колхоз:

— Вы всех там знаете. Возможно свободная машина найдётся, и пришлют. Колхоз-то рядом, но сами понимаете: пойдёшь пешком — можешь никого не застать, да и не лето сейчас.

Снимаю трубку, звоню. Ответила работник бухгалтерии:

— Председателя нет, в Орле.

- А секретаря партийной организации?
- Его уже три дня нет.
- Это как понимать?
- Один день поросёнка резал, на другой день печёнку жарил и это дело обмывал, а сегодня поехал мясо продавать.

Стал уговаривать, чтобы кого-либо из специалистов нашли или же сами направили свободный транспорт за журналистом, но получил отказ. Потом ещё несколько раз звонили; и сам Трошин звонил, и каждый раз разговор получался нервный, неприятный и бесполезный.

Кому и в каком свете работники бухгалтерии преподнесли это, но уже на другой день меня пригласили в райком партии и предложили написать объяснительную, на каком основании я требовал прислать за корреспондентом машину. Объяснительная была написана; а заканчивалась она словами о том, что корреспондент областной газеты и я просто выполняли свою работу и не могли найти секретаря партийной организации, который три дня прогуливав, решая свои личные вопросы, а потому объяснительную должен писать не я и не журналист областной газеты, а парторг-прогульщик.

А через некоторое время в редакции состоялось партийное собрание. Незадолго перед этим

узнали, что на нём будет присутствовать первый секретарь райкома; и откуда-то просочился слух, что всё связанное с неудавшейся поездкой Трошина в колхоз «Мир» станет предметом разговора. Подогревались слухи воспоминаниями из недавнего прошлого редакции, когда волевым решением Потуроева потеряли работу сразу четыре журналиста: заместитель редактора Н. М. Канатников, фотокорреспондент Ю. Кралин, заведующий отделом писем И. Г. Журавлёв и корреспондент Н. С. Балабушевич.

Я остался при своём мнении и, выступая на собрании, не мог не рассказать об этой истории с Трошиным, потому что считал несостойтельными обвинения в нашу сторону.

Потуроев сидел за столом, рядом с редактором, — и это была картина! Увесистый кулак подпирал голову с чёрной, волнистой шевелюрой, такие же черные, густые брови нахмурены. Какие выводы из моего эмоционального выступления сделал «первый», увидели все, когда он подводил итоги:

— Мимо таких фактов проходить нельзя! — голос резкий, громкий. — Но если у секретаря партийной организации вот тут ничего нет, — и кулак постучал по виску, — то с ним надо разговаривать по-другому!

И какой разговор был у него с секретарём

партийной организации колхоза, догадаться не трудно было; а для меня, делающего первые шаги в журналистике, очень важна была поддержка первого руководителя района, пусть и резкого в суждениях, но наделённого высокими полномочиями решать вопросы партийной жизни и социально-экономического развития и лично быть в ответе за всё.

Позднее опытные журналисты говорили, что мне крупно повезло, но, думаю, здесь неуместно говорить о везении: просто первый секретарь разбрался в этой истории; а с учётом того, что он уважительно относился к областной прессе, то поддержал и меня — ведь журналист областной партийной газеты в редакцию пришёл за помощью.

Можно здесь приводить и другие примеры, характеризующие первого секретаря райкома партии Потуроева то со знаком «плюс», то со знаком «минус»: то по-доброму понимающего душу человека, то как деспота, не способного или не захотевшего понять; то умеющего заставить человека пойти против своей воли, тем самым унизвив его или оскорбив, то как благодетеля, сделавшего человека счастливым и благодарным ему всю жизнь.

По прошествии лет разные суждения высказывают люди об этом человеке, но смысл

всех их сводится к одному: работал на износ, себя не жалел. И это был его образ жизни.

3. МАТЬ

Удивительное дело: чем дольше живу, тем беспокойней думаю о том, какой будет Васильевка, моя малая родина, которая есть у каждого из нас, лет этак через пятьдесят. Пошёл в первый класс — думал, Васильевка одна на свете. Потом узнал, что малая родина с таким названием и у великого писателя Николая Васильевича Гоголя; но это на Украине, как мы сегодня говорим, в ближнем зарубежье. Как-то зашёл на почтовое отделение и полистал каталог индексов: жалкая моя страна, я насчитал пятьдесят населённых пунктов с таким названием. Это значит, там сохранились такие же почтовые отделения, в таких же небольших деревушках с людьми, которые не перестают удивляться этой никому не нужной, чужой для них жизни.

Это пока ещё перспективные населённые пункты, но и они будут стёрты с лица земли, если таким и останется общественное устройство государства. Оно пугает агрессией, обрушающейся на нас с экранов телевизоров каждый день. Вчера по каналу НТВ передали свежую новость: в России за годы

реформ не стало 11 тысяч деревень и 240 городов — это были неперспективные. Судите сами: за 10 лет так называемых демократических реформ в Васильевке не построили ни одного дома, и не построят ещё долго, так как благоприятных условий для жизни здесь практически не создаётся. Да и вообще простому человеку зацепиться не за что, едем пока что на советском багаже.

И ещё одна осень. Сколько их уже осталось позади на моей родной земле, наполненных добрыми намерениями людей по-хозяйски встретить зиму; и вроде бы похожих друг на друга красками и заботами, но таких разных по трудностям. И сколько их ещё впереди у каждого из нас? И каких?

В довоенные не заглядываю и ровесникам не советую: всё по времени — нас там не было. Послевоенные годы тянули из наших родителей последние жилы, но несмотря на трудности, они выстояли, стали долгожителями и по всему ещё долго будут ими числиться. А были ещё 70-е и 80-е, когда деревня не была брошена государством, и если хорошо знаешь, как она жила, об этом и говори, не кривя душой.

Это было всего лишь четверть века назад, когда районом руководила Тамара Николаевна Коновалова. Первому секретарю райкома КПСС до

всего было дело, и именно на её плечи легла тогда тяжесть всех реформ по внедрению в колхозах и совхозах района коллективного подряда и хозяйственного расчёта.

Тамара Николаевна приехала в Глазуновку из Кромского района. В 1973 году её избрали вторым секретарём райкома партии, затем председателем райисполкома Совета народных депутатов, а после отъезда в Орловский район Потуроева — первым секретарём райкома КПСС. И то, что было начато в агропромышленном секторе экономики Глазуновского района, не осталось незамеченным: в январе 1984 года было принято постановление ЦК КПСС «О работе Глазуновского райкома партии Орловской области по выполнению решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС», в котором отмечалось, что райком партии проводит активную работу для проявления инициативы и самостоятельности в решении основных вопросов развития сельского хозяйства и агропромышленного комплекса в целом.

Помню июль 1984-ого. Я работал уже заведующим отделом писем и возглавлял партийную организацию редакции, поэтому не удивился, когда на пороге кабинета появился редактор и сказал, что меня приглашает к себе Тамара Николаевна. Разговор с ней был недолгим, но предметным:

— Валентин, — она иногда называла меня по имени, — мы, имею в виду бюро райкома, рекомендуем тебя на должность редактора районной газеты. Как ты смотришь на наше предложение?

Разговора на эту тему я не ожидал и потому ответил на вопрос вопросом:

— Это необходимость?

— Да. Жучкина мы забираем в райисполком.

Я дал согласие:

— Секрета нет: мне уже дважды сектор печати обкома партии предлагал пойти редактором газеты в другие районы, но я не соглашался, так как привык к своему району, да и родители старые, и далеко от них уезжать нельзя.

— Тогда ещё один вопрос. — Она встала из-за стола, задумалась о чём-то, посмотрев в окно. — Бюро райкома тебе доверяет, но всё-таки ещё один вопрос: я партийный билет из-за тебя не положу?

О чём думала Тамара Николаевна в ту минуту, когда задавала этот вопрос, я не могу сказать и сегодня, потому что не спросил её об этом за все годы общения с нею. И партийного билета она не положила. И вообще с районной газетой у Тамары Николаевны были особые отношения, и не только потому, что «районка» являлась печатным органом районной власти — и партийной, и советской, —

уважительно она относилась ко всем журналистам, которые вместе с ней делали одно общее дело.

Работая на конечный результат, механизаторы и животноводы добивались высоких показателей, и Тамара Николаевна рассказывала о них в периодической печати, в брошюрах, выпускаемых книжными издательствами Тулы и Москвы. В районной газете постоянно выходила тематическая полоса «Трибуна передового опыта», где раскрывались секреты получения четырёхтысячных надоев молока от каждой коровы и по 30–40 центнеров зерна с гектара на больших площадях, внедрения в производство всего передового, что укрепляло экономику агропромышленного комплекса. Имея 40 юридических лиц, работающих рентабельно, район мог жить автономно.

Можно смело говорить, что это были лучшие годы глазуновцев. К сожалению, они были омрачены тяжёлой утратой: в автокатастрофе погибла вся семья Тамары Николаевны — муж и две дочери. И сколько искренней боли, соучастия в беде вылилось тогда на страницы газеты: соболезновал весь район, потому что все её знали, уважали за доброту, справедливость, открытость, материнское отношение к людям. Матерью её и называли в народе. И когда её переводили на работу в облисполком, невесёлые лица были не

только у тех, кто её провожал, но и у самой Тамары Николаевны: Глазуновский район стал ей родным, здесь она оставила всё самое ценное, что имела, — семью, здоровье.

Но, живя в Орле, она не теряла связей с районом: доверяя ей, глазуновцы избирали её депутатом областного Совета народных депутатов; случалась беда, появлялась в жизни неразрешимая проблема — как и раньше, в райкоме, — ехали к ней за помощью в Орёл, заведомо зная, что они её получат. И не было случая, чтобы Тамара Николаевна не поздравила глазуновцев, с кем делила многие годы радости и беды, с очередным праздником через газету. Такого большого авторитета, как у Тамары Николаевны, не было ни у одного руководителя района.

Такие же отношения у редакции складывались и с Василием Васильевичем Маркиным, который возглавил район после Коноваловой, и позднее, когда в Москве, как бы используя опыт исторического прошлого, в 1993 году пальнули по зданию Верховного Совета, затем не стало райкомов и сформировалась новая власть. В нашем районе возглавил её Николай Павлович Торубаров.

4. БАРИНЬЯ И ФАРИСЕИ

Наше поколение не идёт ни в какое сравнение с предками, и причины тому есть. В последнее десятилетие XX века и в первое XXI-ого люди порой уходили и уходят из жизни в расцвете сил, когда надо бы отдавать долги своим родителям, малой родине, конечно, не без помощи государства; они же оставались один на один со своими бедами на всём пространстве нашей большой страны, от Москвы до окраин.

В начале 90-х центральное телевидение в новостях запустило сюжет: председатель правительства России И Силаев со своей свитой где-то среди поля российского мелкого арендатора любуется посевами и с уверенностью говорит о том, что будущее страны — за небольшими крестьянскими хозяйствами, мол, только они прокормят нас. Дальше привезли его на какой-то скотный двор с десятком бычков.

А через некоторое время нас, редакторов районных газет, собрал в Урицком районе теперь уже бывший глава областной администрации Е.С. Строев, чтобы мы воочию убедились в преимуществах мелких личных фермерских хозяйств, за которыми, как нас хотели убедить, будущее. Посевам мы не удивились — ещё живы были колхозы, и в них посевы так же радовали глаз; но вот при виде небольших сараюшек, в которых месили грязь с десяток бычков,

скептически улыбнулись: разве заменят они комплексы с тысячным поголовьем?

Лукавый губернатор угостил нас хорошим обедом на берегу красивого пруда, и никому не пришло тогда в голову, что этот семинар-совещание на урицкой земле был организован не только для того, чтобы дать средствам массовой информации направление в освещении новых реформ в сельском хозяйстве. Главным, конечно, было сблизиться с журналистами, убедить их, что они не зря поддерживали его на прошедших выборах, и такое содружество должно продолжаться, так как впереди ожидались новые выборы. А ведь действовал Федеральный Закон «О средствах массовой информации», принятый Государственной Думой и подписанный Б. Ельциным, который за-прещал органам государственной власти вмешиваться в деятельность СМИ.

Под крылом губернатора районным газетам стало жить веселее: постоянно повышалась зарплата, выделялись средства на приобретение автотранспорта, компьютерной техники, ремонт помещений, на проведение областных конкурсов журналистского мастерства. Самое главное: редакторы районных газет находили поддержку в конфликтных ситуациях с местной властью, которая не признавала независимость изданий и

считала себя хозяином в стенах редакции. Конечно, всё зависело от принципиальности редактора, его позиции.

Здесь следует добавить, что в 1991 году глазуновской районной газеты « Строитель коммунизма» не стало, она получила название « Приокская нива» и статус общественно-политического издания. О своей позиции в вопросах доступности выступления кого бы то ни было на её страницах по любым вопросам я уже писал в книге « У истока Оки», изданной в соавторстве с И. Куприяновым и Н. Тубольцевым: каждый имеет право высказать своё мнение по любому вопросу, и именно так вырабатывается общественное мнение.

В нашей «Приокской ниве» стало больше открытых тем, на каждой полосе прибавилось оперативного материала, коротких сообщений из той новой жизни, которая всё прочнее укрепляла свои позиции; причём, навязывалось это новое «сверху», оттуда, от Москвы, но простому народу оно было не по душе, потому что от действующего устройства государства люди плохого не видели, пользуясь плодами только своего труда. А тут работаешь на какого-то дядю, который пользуется твоей же землёй, а зарплату по полгода не платит, и куда всё произведённое уплывает — никому

неизвестно: какому-то барину, проживающему в Орле или в столице государства нашего, или ещё дальше, за океаном.

Не могу сказать, что повлияло на решение губернатора, но так получилось, что, не дав доработать в качестве руководителя района положенный срок, Н.П. Торубарова перевели в аппарат областной администрации, а в Глазуновку привезли исполнять его обязанности Сизова Александра Викторовича, руководителя бывшего птицесовхоза «Тиняковский». Кто-то его знал, а для народа в целом он был «котом в мешке»: привезли, выпустили в районной администрации — смотрите, мол, какой хороший подарок вам. И скажите спасибо Егору Семёновичу.

Два года до очередных выборов исполнял Сизов обязанности главы районной администрации, а когда началась предвыборная кампания, в областной администрации забили тревогу: губернаторский опричник может остаться без чиновниччьего кресла! И заспешили на помощь: заработал административный ресурс, накануне выборов областная администрация чуть ли не в полном составе примчалась в Глазуновку, чтобы рассказать людям, каких успехов добился район под его руководством. Вершились и судебные дела против его оппонентов, в результате чего Сизов

удержался в кресле главы администрации района.

А в жизни давно проверено: захочешь узнать, что за человек — повысь его в должности, и сразу он проявится во всех своих качествах. В связи с этим и вопрос: какой след оставит на земле человек, прожив свои богом отведённые годы? Добрый — хорошо: по-доброму будут люди его вспоминать; ну а если ушёл из жизни человек, а о нём или ничего, или такое вспомнят, что повеет из того прошлого чем-то нехорошим, словно испачкаются чем-то. И всё это — жизнь.

Вот жил не так давно в Васильевке Павел Андреевич Григорьев; фронтовик-орденоносец, он прошёл войну с пулемётом, а в мирной послевоенной жизни был хорошим хозяином, среди сельских коммунистов был в авторитете и к каждому человеку имел свой подход. Колхозная жизнь не обходилась без него ни одного дня: и бригадиром комплексной бригады работал, и механиком по трудоёмким процессам в животноводстве, и начальником газового участка, да и вообще, несмотря на закреплённые за ним обязанности, его всегда направляли туда, где надо было срочно что-то сделать. На него надеялись, и он не подводил, потому что знал, как сделать и с кем, кто на что способен. А разговаривал с людьми так, что и отказать ему не могли.

Бывало, ремонтируют на току сортировку, и видит Павел Андреевич, что кто-то из слесарей с прохладцей работает: то присядет, то стоит и курит, считая, что это не его обязанности; или же лень-матушка одолевает; или же то и другое вместе в нём сегодня сошлись. Ну и спокойненько так попросит слесаря:

— Барин, поди-ка подержи вот тут.

Слово «барин» для таких людей у него было любимым. Но ушёл из жизни Павел Андреевич, а вместе с ним ушло из обихода и его любимое слово. И мог ли я подумать, что напомнит мне о моём славном земляке Григорьеве, ветеране войны, Е. С. Строев, когда однажды, будучи не в духе, употребил в своей гневной речи это слово. А случилась эта история незадолго после тех первых бурных выборов, когда Сизов еле-еле усидел в кресле с помощью губернатора.

Открывая одно из заседаний в областной администрации, губернатор сказал:

— Я пригласил на сегодняшний наш разговор глав районных администраций и редакторов, чтобы редакторы послушали, о чём мы будем говорить, и написали бы об этом в своих газетах.

Как и было, очевидно, предусмотрено планом проведения совещания, отчитались руководители Малоархангельского и Свердловского районов,

наступила очередь главы Глазуновского района А.В. Сизова. Разложил он перед собой бумажки, но говорить ему много не пришлось: не дали. Обрисовывая положение дел в районе, губернатор раз за разом устраивал разнос за упущения и просчёты в экономике, социальной сфере, что не пашется и не сеется, что поля зарастают бурьяном, что людям не платят зарплату, а когда они идут к главе района, который их попросту отфутболивает, те вынуждены ехать искать правду в областную администрацию.

Подливали масла в огонь заместители губернатора, особенно старался И. Мосякин. Я сидел напротив Сизова и видел, что от него, как от человека, почти ничего не остаётся. Казалось бы, ну что убивать его: только-только избрали руководителем, а до выборов пару лет притирался, исполняя обязанности. Но Строев видел, как трудно он втягивался в работу, какие сложности были перед выборами, что пришлось даже срочно формировать целый агитпоезд из ответственных и безответственных работников областной администрации и выезжать в Глазуновку, дабы составить о кандидате положительное мнение и за счёт этого победить мощную оппозицию. Губернатор по всему начинал понимать, что «кота в мешке» не разглядел и он, ведь дела в районе

не шли должным образом.

— Я знаю, почему за тебя в Глазуновке не хотели голосовать,— багровея лицом, бушевал он.— Барином стал!

Трудно сказать, стал ли он им или родился им, но всё-таки губернатор разглядел в Сизове не простого человека труда, а барина. По словарю В. Даля, слово «барин» можно понимать в двух значениях: так звали человека из эксплуататорских классов или же человека, который не любит трудиться, а перекладывает работу на других. Например, сидеть барином (в переносном значении — бездельничать).

Всему есть предел; устал и губернатор и, видя жалкий вид Сизова, закончил, как пожалел:

— Ты уж лучше бы что-нибудь говорил, чем молчал.

Сизов так же молча опустился на стул, потому что в своё оправдание сказать ему было нечего. Самое главное: пожалел тогда его и я, не написал и не опубликовал в районной газете, думая, что время сложное, и моя публикация авторитета руководителю района не прибавит. Теперь вот сожалею и пишу, потому что убедился: прав был губернатор. Словом, ошибку свою исправляю и свидетельствую о неправедных делах бывшего главы Глазуновского района

Александра Викторовича Сизова по отношению к районной газете и её редактору в частности, к её читателям. Почему бывшего главы? Беда случилась: приближаются очередные выборы, и появилось сомнение у партии власти, что, как ни поддерживай Сизова во время предвыборной кампании, не дотянет он до пенсии госслужащего в старом чиновничьем кресле, тем самым подведёт «Единую Россию». Ведь до того доруководился со своей командой, что от района 15-летней давности остались рожки да ножки. Тиши да благодать — только таким районом и руководить бы, а ему примерили другое чиновничьe кресло в Орле.

Иногда думаю, что во все века деревня хорошо не жила: ненасытная утроба государства и землевладельца-эксплуататора порой забирала у мужика всё, до крошки выметалось из амбаров; и сам же себя оспариваю: как же — в 70—80-е годы прошедшего столетия колхозная деревня строила людям дома, дороги, покупала технику, давала всем работу, платила приличную зарплату, причём учila и лечила бесплатно. Дворы были набиты скотиной, а это значит, государство стремилось создать селянам нормальные условия для жизни. Но всё это там, в прошлом, о котором теперь говорят по-разному. Общество расслоилось: молодёжь той жизни не знает и теперь ищет своё

счастье на стороне, в городах, где есть работа, а старики держатся за свой корень.

Всё реже след человеческий на родной земле, а там, где слабеет человеческая деятельность, наступает природа: теперь уже на месте бывших крестьянских усадеб непроходимые заросли бурьяна, заросли луга и речные поймы. И всё это — цена демократических преобразований, но молчат об этих достижениях радио и телевидение, в газетах ни слова критики власти, а только сплошные репортажи, как прокладывают нефтегазопроводы, как открывают краны и качают, качают газ и нефть в Европу; а ещё репортажи об уголовных делах за хищения государственных средств.

Самой горячей точкой в эти окаянные годы была районная газета: на её страницах читатели отстаивали свою точку зрения об этой жизни, журналисты правдиво рассказывали о проблемах, которые не решает власть. С приходом в район Сизов стал вмешиваться в работу редакции. по сути определил круг запретных тем для публикации критических материалов, и перво-наперво это касалось деятельности районной администрации, экономического положения района, и мне как редактору постоянно приходилось отстаивать в жёстких спорах справедливость той или иной

статьи.

После той губернаторской трёпки дела в районе сразу пошли в гору: подсказали Сизову коллеги, что настроение губернатора зависит от того, какие цифры стоят в сводке. Он всё понял, и вскоре показатели по Глазуновскому району в сводках, публикуемых в «Орловской правде», улучшились: больше стали пахать, сеять, хотя поля фактически зарастали сорняками. Задумал как-то губернатор, будучи в Тросне, посмотреть на исток Оки; а как быть, если на полях вдоль тагинской трассы, в садах, мимо которых он будет проезжать, бурьян в человеческий рост. Наученный горьким опытом, руководитель района сумел проложить для высокого гостя такую дорогу через сеньковские поля, что тому даже захотелось сфотографироваться в посевах люцерны — по пояс красавица вымахала. Точно так строились и дома по программе «Славянские корни»: приглядят в деревне домик, построенный ещё по программе «100», и, глядишь, он уже в сводке по «Славянским корням» числится. Показатель для губернатора и хорошая тема для статьи.

Собкору областной газеты «Орловская правда» Николаю Тубольцеву также пришлось выяснить отношения с Сизовым по поводу публикации критического материала о неудовлетворительной

работе садоводов района. Как считал Сизов, критических стрел в сферу его деятельности быть не должно. Но вот один из личных примеров такой публикации, послужившей конфликтом.

Посёлок Соревнование начинается сразу от перрона станции Малоархангельск: 50 домов выстроились вдоль железнодорожного полотна, а по административно-территориальному делению относятся к Очкинской администрации Глазуновского района, до центра которой около пяти километров. В посёлке живут семьи железнодорожников, рабочих совхоза «Тиняковский», хлебоприёмного предприятия и других, относящихся к Малоархангельскому району. На территории администрации работы, естественно, никакой, и так сложилось уже многие десятилетия, что всё необходимое для жизни люди посёлка получают в Малоархангельском районе: работают, рожают и учат своих детей, лечат их и себя в больнице. Очканская администрация нужна им только для того, чтобы взять какую-либо справку, ну а они администрации — проголосовать в день выборов, когда такой великий день наступал.

Но вот появилась у жителей посёлка проблема: всего в ста метрах, за железной дорогой, подвели природный газ в дома, а к ним неизвестно когда, чуть ли не через десять лет. А шёл 2000-й год. Три года

хлопотали: были ходоки в Глазуновку — ведь они глазуновские, но там от них откестились: мол, что вы, господа, ваша очередь ещё не скоро. Директором хлебоприёмного предприятия уже тогда работала Нина Михайловна Кононова, к тому же была избрана депутатом Малоархангельского районного Совета, и люди к ней: помоги!

Много дорог и трудных разговоров осталось у неё позади, в том числе и с главой Глазуновского района А.В. Сизовым, который практически ничем не помог. Жителями посёлка были написаны письма губернатору, были и на приёме у него. Просьба одна: не прокладывать километры труб со стороны Очкинской сельской администрации, а взять газ с территории совхоза «Тиняковский», сделав прокол под железной дорогой, — ближе и быстрее.

Напор, с каким наступали жители посёлка и Н.М. Кононова, Сизову явно не понравился, но губернатор вник в проблему и помог, то есть дело сдвинулось с мёртвой точки, тем более все работы люди проплачивали собственными средствами, а на объект были привлечены все службы Малоархангельского района. Менее чем за полгода справились строители с этим объектом: 18 июня 2004 года мне позвонила Нина Михайловна:

— Завтра у нас праздник — в домах посёлка

загорится газ, приезжай за материалом для газеты.

На другой день я был в посёлке Соревнование и видел счастливые лица людей, когда пустили по трубам газ и «голубое топливо» загорелось в домах. Их поздравляли главный архитектор Малоархангельского района Валентина Викторовна Титова, глава Подгородненской сельской администрации, откуда пришёл газ, Вячеслав Анатольевич Цветов, все работники газовой службы и конечно же неутомимая директор ХПП Нина Михайловна Кононова, которая сама вложила немало сил в это трудное дело: как директор, депутат райсовета и просто местный житель она просто не могла поступить иначе.

— А что же начальство вашего района не приехало, ведь я приглашала? — спросила она меня, и я только пожал плечами.

Перед тем, как писать материал в газету, я зашёл к заместителю главы района А.А. Астахову. Времени на долгий разговор не было, и я задал ему всего два вопроса:

— Александр Алексеевич, вчера в посёлке Соревнование зажгли газ. И вас приглашали...

— Не поехали. Александр Викторович сказал, что там нечего делать.

— Ты знаешь, мне рассказали, что в одной из деревень Малоархангельского района так же вот за

свои средства газ проводили, так глава района на торжества приехал и привёз каждому домохозяину по тысяче рублей, мол, это вам от районной власти, чем можем помочь. А вообще скажи мне, когда бы они газ подвели, не прояви свою инициативу?

— Не скоро, — не задумавшись, ответил Астахов.

Материал был написан и опубликован в ближайшем номере. Что видел, что слышал — о том и написал. Смысл простой: люди счастливо улыбались, благодарили малоархангельскую районную власть, мол, она для них как мать родная, а для Глазуновки они как пасынки и газ получили бы чуть ли не к 2010 году.

Газета вышла, и мне сразу же позвонили из приёмной: приглашает Сизов.

Откровенно сказать, таким недовольным я его ещё не видел.

— Ты что написал! Ты что унижаешь власть! — и всё на повышенных тонах.

Пригласил Астахова, который пришёл сразу и сел напротив меня.

— Александр Алексеич, ты почитай, что он написал!

Тот тупо уставился в газету, как я понял, он нуждался в очках.

— Нет, ты почитай! — и снова ко мне. — Ты откуда всё это взял!

— Прежде чем писать, я зашёл к Астахову и задал ему всего два вопроса. На первый: «Почему не были вы там, ведь вас приглашали?» — Астахов ответил: мол, Александр Викторович сказал, что там нечего делать. На второй вопрос: «Когда бы там появился газ, не прояви они характер?» — он сказал, что не скоро.

Астахов угнулся в стол и, краснея, глухо произнёс:

— Я этого не говорил.

Есть такая категория людей: покраснеет, а может, и нет, но, чтобы перед начальником както оправдаться, человек начинает не в меру лгать, фарисействовать, по всему опасаясь: не ровён час, не сделай он этого, гнев недовольного начальника может перейти и на него со всеми вытекающими из этого момента последствиями.

А вскоре мне на стол легла официальная бумага, если судить только по печати, подписанная «возмущённым» Астаховым. Опрровержение ли это было, отклик — я так и не понял, но опубликовал его сразу же, ничего не сокращая, только исправив массу ошибок, тем самым до конца выполнив свою святую обязанность: чтобы читатели знали мнение местной власти по этому событию и не знали, насколько обучен грамоте её автор. А возмущённый чиновник районной власти на полстраничке

текста, очевидно, с подачи так же возмущённого начальника, делал глупыми людей, которые несколько лет бились с властью за улучшение своих бытовых условий. Вот несколько строк из его письма: «Газификация населённого пункта Соревнование от газопровода Никольское – Очкى намного было бы дешевле и этот вопрос мог быть решён так же в 2003 году. Жаль что население понесли неоправданные затраты по строительству газопровода который построен только на средства населения» (орфография и пунктуация текста сохранены – *B.B.*).

От себя ещё добавлю: в Никольское газ подвели в 2005 году. За то, чтобы он там появился, много бились местные арендаторы А.С. Волков и В.М. Кузин, построившие себе дома по программе «Славянские корни», проекты на которые предусматривали и газификацию. От Никольского до Очек газопровода нет и сегодня, и не будет: деревня Очкى умерла.

Мои отношения с главой района продолжали портиться, и самое благоприятное время для этого были выборы, когда можно было убедить областное начальство в ненадёжности глазуновского редактора, как явного оппозиционера существующей власти. По сути это была явная месть человеку, имеющему личное

мнение по любому вопросу и не скрывающему его. Вот один из примеров.

Шла предвыборная кампания в областной Совет народных депутатов. По закону, надо распределять печатную площадь между кандидатами от каждой партии. С доверенностями от трёх партий представители пришли, а от «Единой России» — ни кандидата Рубакова В.Г., ни доверенного лица. Вдруг открывается дверь кабинета, на пороге — заведующий орготделом районной администрации А.В. Горло.

— Ко мне? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — печатную площадь делить пришёл.

— А кто тебя прислал?

— Сизов.

Вот тебе и административный ресурс! И я отправил его исполнять свои прямые обязанности. Что было дальше? Был звонок главы района в орготдел областной администрации, что редактор не так делает. Был ещё звонок, что не в том духе прошла публикация, а я её, кстати, из «Комсомолки» перепечатал, на тему выборов.

Доходило до курьёзов. Например, заканчивается совещание, на котором принятые главой важные решения, нуждающиеся в публикации на страницах районной газеты. Как всегда, после совещания иду

к Родченкову В.П., заведующему общим отделом администрации:

— Владимир Петрович. решения главой подписаны, надо публиковать. Мне копии.

— Митрофаныч, — он мне в ответ. — раньше давал, сегодня не дам.

— Почему?

— Глава сказал: не давать.

— А как же быть? Нам нужен хотя бы второй экземпляр.

— Он сказал, пусть записывает.

«Чем-нибудь, как-нибудь, но обязательно отомстит», — думалось мне, уходя от Родченкова.

Неуютно было Сизову в чиновничьем кресле, пока «Приокская нива» выходила за моей подписью; но пока мы были нужны Строеву, он был бессилен что-либо сделать, чтобы осчастливить себя по-крупному. Но он дождался своего часа. Наступил октябрь 2006 года, областная власть реформировалась, у редакторов заканчивались контракты. Создали комиссию, в которую так же вошёл помощник губернатора С.В. Фефелов и которая должна была «пропустить» весь редакторский корпус области. Назначили день. Только зашёл в кабинет, где заседала комиссия, от Фефелова сразу два вопроса:

— Ты Горохова знаешь?

— Знаю, — говорю, а сам думаю: хорошо запомнили моего земляка после предвыборной кампании, когда он претендовал на пост главы района от КПРФ.

— Ты сам-то и дальше под красным знаменем будешь идти?

— А что плохого в этом, — отвечаю; и сразу перед глазами поплыли краснознамённые праздники; и вспыхнул в памяти далёкий-далёкий, светлый-светлый осенний день, и моя первая учительница Александра Лаврентьевна повязывает мне на шею красный галстук — свой подарок. Так и иду с ним по жизни; а ещё с красным комсомольским билетом; и с партийным — КПСС, а сейчас — с билетом КПРФ, тоже красным.

До 2007 года глазуновская «Приокская нива» считалась одной из лучших районных газет области: ежегодно выходила победителем областных конкурсов, дважды — в 2001 и 2006 годах была лауреатом Всероссийских фестивалей СМИ, проводимых Союзом журналистов России. Но месть не знает границ: когда я представил на областной конкурс по итогам 2006 года, а они подводились к Дню печати — 13 января, от редакции свой конкурсный проект — серию очерков под названием «От Москвы до самых до окраин», всё тот же Фефелов С.В., увидев среди

конкурсных «Приокскую ниву» с моей фамилией, даже не стал его рассматривать, а попросту возвратил в управление печати с указанием подготовить работы от другой газеты. Я понял, откуда дует ветер, что это последствия выборной лихорадки — аллергия на мою фамилию. В эти же сроки мне напомнили, что я пенсионер и пора писать заявление.

За все годы работы Сизова в районе можно привести немало примеров, когда приходилось мне как редактору выяснять с ним отношения; и не раз обращался с просьбами об оказании редакции материальной помощи, но самое главное — я почти всегда угадывал бесплодность своих устремлений. Собственных средств, получаемых от подписки, редакции всегда нехватало, так как значительную их часть забирала «Почта России» за экспедирование и доставку, с каждым годом дорожала бумага и полиграфические услуги, а ведь на содержание помещения требовалось их немало.

Ещё в 2004 году, когда Глазуновка готовилась отметить 100-летний юбилей, я зашёл к Сизову и предложил:

— Александр Викторович, идёт ремонт в районной администрации. А если подключить сюда же и редакцию, как в Малоархангельске сделали,
— всё заодно ремонтировать.

Сизов важно положил перед собой папку с бумагами и стал мне рассказывать, сколько средств ему надо на администрацию, сколько ещё требуется на ремонт школы. Я сразу понял, что помощи не будет, а весь этот спектакль вызвал у меня улыбку:

— Ну нет много, дай хотя бы 200 рублей, порог рассыпался. Идут люди — неприятно смотреть.

Порог мы так же ремонтировали за собственные средства. Чтобы как-то поправить финансовое положение, ведь большую часть прибыли у нас забирала «Почта России», мы создали свою почту: подобрали почтальонов, сами доставляли газету из Орла, а вместе с этим сделали её еженедельником: стали выпускать один раз в неделю — по субботам на восьми полосах. С помощью управления печати смогли перекрыть крышу, сделать косметический ремонт внутри помещения, даже полы подремонтировали и купили новый УАЗ.

Прошло полгода, как я написал заявление. Глава района несколько лет не переступал порог редакции, и вдруг в один из дней второй половины мая Сизов появился вместе с новым начальником управления печати областной администрации А.А. Мироненко, который и привёз мне уже оформленную трудовую книжку. В ней записано, что пришёл я в газету 16 декабря

1976 года литературным сотрудником, а ушёл 18 мая 2007 года с должности редактора, на которую был назначен 24 июля 1984 года. Сизов ходил по редакции, по-хозяйски осматривая помещение, и на лице его светилась счастливая детская улыбка, как у Мальчиша-Плохиша из героической сказки великолепного детского писателя Аркадия Гайдара о Мальчише-Кибальчише, которого убили буржуи.

*2004 год. 70-летие «Приокской нивы».
Коллектив типографии и редакции,
кто делал газету в разные годы.*

СОДЕРЖАНИЕ

В день святого Валентина	5
«Сорвалась метель свирепая с цепи...»	6
«Карнизы разукрашены сосульками...»	7
Вижу сердцем	8
«Прощёное воскресенье...»	10
«Время людям на потребу...»	11
Семь бед	12
Наследство	14
Быль	16
«Серебряный месяц в медвяных покосах...»	18
«Опустела узенькая улица...»	19
«По заречью зори друг за другом...»	20
«Бабье лето идет...»	21
Калека	23
Царская дорога	25
«Родина милая, ты не исчадие зла...»	27
«Всё реже деревни...»	28
«Загрустил-запечалился...»	29
В новом веке	32
«Прозрачный воздух в стылости земной...»	33
«Шел первый снег...»	34
В день юбилея жены	36
Сосед	37
Осенью	38

Загадал судьбу	40
На погосте	41
«Ты, родина моя, меня прости...»	43
«Упавший лист и жёлт, и сух...»	45
«Живу хозяином в дому...»	46
«Да здравствует природа	48
Чудеса	50
Встречая год Тигра	52
Доля	54
 ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН:	
ВЛАСТЬ И ПРЕССА (очерк)	55
1. Не одним сухим именем	55
2. То плюсы, то минусы	70
3. Мать	78
4. Баринья и фарисеи	83

**Валентин Митрофанович Васичкин
НА НЕРУЧИ, ЗА РОСЧЕРКОМ ДОРОГ**

**Стихи
Очерк**

Подписано в печать 29.11.2010. Формат 70x100¹/32.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 4,39.
Тираж 500 экз. Заказ № 1896.

Верстка и печать ОАО «Типография «Труд».

302028, г. Орел, ул. Ленина, 1.

8 B. Васичкин 8* B. Васичкин 5*

$\frac{1}{4}$ 2 B. Васичкин $\frac{1}{4}$ 4 B. Васичкин 4*

7 B. Васичкин 7* 3 B. Васичкин 3*

5 B. Васичкин 5* B. Васичкин 5*

8 B. Васичкин 8* B. Васичкин 5*

$\frac{1}{4}$ 2 B. Васичкин $\frac{1}{4}$ 4 B. Васичкин 4*

7 B. Васичкин 7* 3 B. Васичкин 3*

5 B. Васичкин 5* B. Васичкин 5*